

Л.А. Кирилина

Восприятие словенского вопроса в российских официальных кругах в 1914–1915 гг.*

L.A. Kirilina

Perception of the Slovenian issue in Russian official circles in 1914–1915

Правящие круги Российской империи стали проявлять интерес к словенцам лишь в годы Первой мировой войны в контексте вопросов дальнейшей судьбы Приморья (прежде всего, Триеста). В статье на основании материалов российских архивов и исторических исследований рассматриваются некоторые планы российских правительственных кругов, касающиеся в том числе и судьбы словенцев, а также попытки словенских патриотов вызвать у российского правительства интерес к своему народу и таким образом повлиять на его политику.

Ключевые слова: Первая мировая война, словенцы, российское Министерство иностранных дел, Триест, Лондонский договор.

The ruling circles of the Russian Empire began to show interest in Slovenes only during the First World War, and they were interested in them only in the context of common problems concerning the future of Primorye (first of all, Trieste). In the article, based on the materials of Russian archives and historical studies, are revealed some plans of Russian government circles, including the fate of Slovenes, as well as attempts by Slovene patriots to provoke the interest of the Russian government towards their people and thus influence its policy.

Keywords: The First World War, Slovenes, the Russian Ministry of Foreign Affairs, Trieste, the London Treaty.

---

* Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-000346.

В конце XIX — начале XX в. культурные и научные связи русских и словенцев развивались достаточно интенсивно¹, о достижениях словенцев в области культуры, прежде всего литературы, публиковались статьи в ряде славянофильских изданий, о наиболее важных явлениях их политической жизни сообщали в российское Министерство иностранных дел (МИД) дипломаты и тайные осведомители. Накануне Великой войны широкие круги российского общества, однако, о словенцах знали мало, либо вообще не знали ничего. В 1912–1913 гг. их внимание было сосредоточено на славянских народах, участвовавших в обеих Балканских войнах, упоминания о словенцах в русских славянофильских изданиях в этот период почти не встречались. В начале войны о судьбе этого народа кратко сообщалось в ряде изданий, но приведенные в них сведения свидетельствовали о недостаточной осведомленности авторов. Так, например, М. Михайлов в брошюре «Австрия и ее славянские народы» писал: «Невежественные, некультурные, крайне бедные словенцы стоят ниже всех других славянских народов Австрии и, если до сих пор их не уничтожили, то, быть может, только потому, что немцам нечего было у них взять»². А Б.Ф. Добрынин в брошюре «Империя Франца Иосифа» отмечал, что в Истрии, помимо далматинцев, живут и словенцы, но больше всего итальянцев. По его убеждению, и население Триеста состояло из итальянцев³.

В правящих кругах Российской империи судьбе словенцев стали уделять некоторое внимание лишь в годы Первой мировой войны, но не как вопросу, имеющему самостоятельное значение, а в общем контексте более крупных проблем, касающихся дальнейшей судьбы Приморья и движения за объединение сербов, хорватов и словенцев. В каком ключе рассматривался вопрос о будущей принадлежности Приморья (и прежде

¹ См. труды И.В. Чуркиной, прежде всего, ее книгу: *Чуркина И.В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. — 1914 г. М., 2017.

² *Михайлов М.* Австрия и ее славянские народы. М., 1914. Библиотека войны. Вып. 1. С. 12.

³ *Добрынин Б.Ф.* Империя Франца Иосифа. М., 1914.

всего — Триеста) в правительственных кругах России, и какие усилия предпринимали словенцы для того, чтобы донести до них свои чаяния? Попытаемся прояснить эти аспекты на основе материалов российских архивов и исторических исследований.

Статский советник А.М. Петряев, высокопоставленный чиновник МИД (в 1917 г. он стал товарищем министра иностранных дел во Временном правительстве), в конце 1914 г. справедливо отмечал, что «в то время как с эпохи русско-турецкой войны наше общество и дипломатия посвящали все свое внимание исключительно восточным славянам: болгарам, сербам, черногорцам и македонцам, западное славянство, представляемое чехами, кроатами, словаками и словинцами почти совершенно нами игнорировалось и не играло никакой роли в нашей ближней-восточной политике [...] Положение резко изменилось, как только вспыхнула настоящая война и в Австро-Венгрии зашевелились все ее славянские народности, которые стали смотреть на Россию как на свою освободительницу и обращаются к ней с ходатайствами об удовлетворении их национальных стремлений»⁴.

Надежды австрийских славян во многом основывались на положениях воззвания главнокомандующего российской армией великого князя Николая Николаевича «К народам Австро-Венгрии», составленного на девяти языках. В нем говорилось, что Русская армия несет свободу и осуществление народных желаний всем угнетенным народам Австро-Венгрии⁵. Воззвание это получило достаточно широкий отклик. Его переправляли контрабандным путем в Австро-Венгрию и распространяли среди ее славянского населения. По поручению русского Генерального штаба в распространении воззвания принял участие и словенский эмигрант в России Я. Лаврин⁶.

⁴ Записка статского советника А.М. Петряева 1914–1915 // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 293. Л. 7.

⁵ Режим доступа: http://propagandahistory.ru/books/Aleksandr-Astashov_Propaganda-na-Russkom-fronte-v-gody-Pervoy-mirovoy-voyny/2.

⁶ *Чуркина И.В.* Янко Лаврин во время Первой мировой войны // *Slovenika III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев.* М., 2014. С. 188.

В начале войны не сами словенцы, а словенские земли как разменная карта в торге с Италией стали предметом интереса правительства. Пристальное внимание стало уделяться вопросу о судьбе Приморья.

Император Николай II полагал, что распад Австро-Венгрии неминуем, это — вопрос времени. 21 ноября 1914 г. в разговоре с послом Франции М. Палеологом он высказал свои (довольно расплывчатые) мысли о будущем развитии событий: Сербия присоединит Боснию, Герцеговину, Далмацию, северную часть Албании, а Австро-Венгрии, в случае, если Италия и Румыния вступят в войну, придется пойти на территориальные жертвы⁷. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов, человек глубоко православный, являлся сербофилом. По его мнению, Сербия должна была стать центром объединения южных славян и оплотом царской политики на Балканах. Идея объединения югославянских земель вокруг Сербии им не поддерживалась из-за опасений, что католические австрийские славяне могут негативно повлиять на православных сербов.

Еще в феврале 1914 г., во время последнего приезда в Россию словенский либерал и славянофил И. Хрибар во время встречи с Сазоновым понял, что тот ничего, кроме названия, о словенцах не знает. Хрибар рассказал о своем народе. У него сложилось впечатление, что министр посчитал проблемы словенцев слишком незначительными для того, чтобы русская политика принимала их во внимание. Тогда Хрибар попытался заинтересовать его вопросом о Триесте, который «как югославянский город будет надежным оплотом русского флота в Средиземном море», и ему показалось, что он достиг в этом успеха. «Я ушел от Сазонова с твердым убеждением, что спас Триест для Югославии»⁸. Как показало время, эти надежды Хрибара оказались беспочвенными.

Италия, уже 2 августа 1914 г. объявившая о нейтралитете в начавшейся войне, немедленно вступила в переговоры с обеими враждующими сторонами, выторговывая себе либо лучшие условия для вступления в войну на стороне стран Антанты, либо

⁷ Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 170.

⁸ Hribar I. Moji spomini. Ljubljana. 1984. II. Del. S. 74–75.

компенсации за сохранение нейтралитета (в чем были заинтересованы Центральные державы). Премьер-министр Италии в 1914–1916 гг. А. Саландра обосновывал эту политику принципом «святого эгоизма». Он писал впоследствии: «Мы были убеждены в том, что не должны пропустить благоприятный случай, [...] чтобы вернуть себе всю нашу национальную территорию, [...] возвысить Италию до настоящей великой державы»⁹. Вопрос о будущей государственной принадлежности словенских земель, Истрии, Хорватии и Далмации стал одним из центральных в дипломатических переговорах Италии с обоими враждующими блоками. Австро-Венгрия уже готова была обещать Италии Южный Тироль, Трентино, земли к западу от реки Соча и Горицу, Триест же, предположительно, должен был получить статус свободного имперского города в составе Австро-Венгрии. Страны Антанты предложили больше¹⁰. Уже в сентябре правительство Италии в принципе склонилось к решению присоединиться к Антанте. Однако торговля продолжалась практически до заключения Лондонского договора в марте 1915 г.

В Петербурге подготовкой этого договора занимались российские дипломаты М.Ф. Шиллинг, А.М. Петряев, Н.А. Базили. Наиболее компетентным из них был Петряев, остальные были слабо осведомлены о славянской стороне вопроса¹¹. Россия планировала не только обеспечить вступление Италии в войну на стороне Антанты, но и усилить позиции Сербии в противовес национальным движениям хорватов и словенцев Австро-Венгрии. Интересы Англии и Франции требовали сохранения двуединой монархии. Чтобы не вступать в конфликт с ними, российское правительство предполагало либо полностью разделить Австро-Венгрию, либо уменьшить ее территорию, а часть земель отдать Сербии, чтобы упрочить влияние России на политику Белграда.

⁹ Цит. по: *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX в. Очерки политической истории. М., 2011. Ч. I. Гл. 7. С. 180.

¹⁰ *Nečak D., Repe B.* Prelom. 1914–1918. Svet in Slovenci v 1. svetovni vojni. Ljubljana, 2005. S. 105.

¹¹ *Романенко С.А.* Национальные движения южных славян Австро-Венгрии 1890–1918 гг. Диссертация на соискание степени доктора исторических наук. М., 2014. Т. 2. С. 378.

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) хранится ряд проектов устройства послевоенной судьбы австро-венгерских славян, подготовленных в конце 1914 — начале 1915 г., в которых рассматривается также и вопрос о будущей принадлежности населенных словенцами территорий. Наиболее детальный из них разработал по поручению С.Д. Сазонова А.М. Петряев. Он предлагал семь возможных вариантов передела австро-венгерских земель. 1. Южный Тироль и часть Приморья — к Италии, сербо-кroatские земли — к Сербии. 2. Венгры, чехи, югославы (кроме отходящих Сербии земель) составят одно государство. Третий вариант предусматривал образование чехо-юго-славии. Шестой вариант — федерализация империи, седьмой — сохранение дуализма. Сам Петряев считал второй вариант («Чехо-Венгеро-Югославия») «наиболее целесообразной и желательной комбинацией».

Подчеркнув, что «возникновение Единой Великой Сербии или Сербо-Хорватского государства было бы самым удачным решением юго-славянского вопроса» для России, он отметил, что «это окажется возможным, если Сербия фактически завоюет территории Кроатов и Словинцев, что даст ей на них единственное неоспоримое право». Однако, по мнению Петряева, насильственное присоединение их к Сербии только ослабит ее. Он предупреждал о том, что «стремление славянских народностей, входящих в состав Австро-Венгерской монархии, освободиться, во что бы то ни стало, от ее владычества», следует рассматривать «как выражения политических взглядов лишь некоторых партий, а не всего народа». И, безусловно, в этом он был прав. Что касается словенцев, то преобладающее их большинство не помышляло об отделении вплоть до распада монархии Габсбургов, и даже наиболее влиятельные политики в словенских землях лишь в 1917 г. (со времени создания Майской декларации) стали всерьез рассматривать этот вопрос. И далее Петряев сделал следующее, опять-таки точное, наблюдение: «Есть очень много оснований предполагать, что, если вопрос об этом (об объединении с Сербией. — Л. К.) будет поставлен на решение какого либо Кроато-Словинского народного собрания, то ответ для сербов получится отрица-

тельный»¹². Бесспорно, в 1914 г. так бы и случилось, и даже в конце существования империи и сразу после ее распада многие словенские политики надеялись, что объединение бывших австро-венгерских словенцев, хорватов и сербов в Государство СХС окажется жизнеспособным, и его вхождение в конце 1918 г. в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев застало их врасплох.

Рассматривая вариант раздела словенских и хорватских земель Австро-Венгрии между Сербией и Италией, Петряев отметил, что он «окажется более выгодным второй чем первой [...]». При этом Истрийский полуостров, с Словинскими провинциями к Северу от него, а может быть, даже с частью Далмации, будут навсегда утрачены для Юго-Славян [...]

Хорватские и Сербские политические деятели [...] предпочитают оставить Кرواتския и Словинския земли под властью теперешней Австро-Венгрии, чем уступить часть их Италии. По их образному выражению, первое было только «политическим рабством», а второе — «смерть», так как избавиться от Австрийского ига всегда оставалась бы какая либо надежда, а от Итальянского никакой».

Петряев полагал, что не исключен и вариант, когда «из южно-славянских земель придется создавать не одно, а два государства. В таком случае к Сербии отошли бы Босния и Герцеговина, Славония, Банат и Бачка, [...] а из земель словенцев (части Штирии и Каринтии, Крайны), Приморья, Истрии, Кرواتии и Далмации образовалось бы самостоятельное Кرواتское королевство с населением около четырех миллионов при условии, конечно, что Италия откажется от своих притязаний на восточное побережье Адриатики»¹³.

Российский дипломат выделил несколько вариантов, казавшихся ему благоприятными, но не склонился окончательно ни к одному из них.

Свой проект будущего передела австро-венгерских земель представил в МИД 15 января 1915 г. генерал-майор Я.В. Чер-

¹² Записка статского советника А.М. Петряева 1914–1915 // АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 293. Л. 11.

¹³ Там же. Л. 2–24.

винка из Киева, чех по происхождению. По его мнению, «самое желательное решение сербо-хорватского и словинского вопросов» — основание «Великой Сербии, которая должна быть настолько сильной, чтобы быть в состоянии удержать в своих руках главный выход к Адриатическому морю, необходимый для всего славянства». Отмечая, что «среди хорватов и в особенности словинцев преобладает католический клерикализм и, история словинцев мало имеет общего с историей православной Сербии», Червинка утверждал, что «только в виде Великой Сербии эти небольшие народности могли бы свободно развиваться, пользуясь, конечно, необходимой автономией; тогда только они могли бы служить надежным оплотом славянского мира на юге». Как видно, его представления были довольно идеалистическими, они не совпадали с точкой зрения Петряева, более верно понимавшего этноконфессиональные проблемы югославян.

Констатировав, что Италия предъявляет претензии не только на Триест, но и на Истрию, и еще на Горицу и Градишку, Червинка отметил: «Точные данные о соотношении славянского и итальянского народонаселения в этих спорных местностях доказывают, что итальянцы преобладают численно в одном только городе Терсте (где они составляют более половины жителей), между тем как вся остальная территория, которую Италия имеет в виду, бесспорно славянская». «Потеря для славян Терста и Истрии, а с ними и славянского пока Приморья, равносильна отказу от одного из ключей к Ближнему Востоку». По мнению Червинки, для славянского мира «обладание второстепенным далматийским портом Реки (Фиуме), рядом с итальянским Терстом — потеряет всякое значение [...]. Без Терста и Истрии вновь создаваемыя государства: Великая Сербия, Чехия и даже Польша натолкнутся на громадные финансовые и экономические затруднения».

Червинка предложил, в крайнем случае, превратить Триест «в свободный, нейтральный порт, не отдавая его Италии». «Славянская же Истрия с Горицей и Градискской, по мнению всех зарубежных славян, была бы слишком дорогой ценой за выступление против Австрии, равносильное почти невмешательству».

Чтобы соединить северных и южных славян и отделить венгров от немецких земель Австрии, по мнению Червинки, «необходимо выделить из Венгрии, вдоль западной ее границы, узкую полосу, расположенную между венгерской государственной и мадьярской этнографической границами и населенную немцами и хорватами», и провести там железно-дорожную линию¹⁴.

Как видно, Червинка, выступая за югославянское объединение под эгидой Сербии, отстаивал необходимость включения в него словенского Приморья.

Территориальные претензии Италии на словенские территории уже в самом начале войны вызывали большое беспокойство у словенцев. Для приморских же словенцев вопрос о государственной принадлежности Триеста и всего Приморья имел жизненно важное значение. В то время Триест являлся основным деловым, транспортным и экономическим центром словенских земель. Фактически он был крупнейшим словенским городом. Хотя словенцы и составляли всего 25% его населения (в 1910 г. 56 916 человек) и принадлежали, как правило, к низшим городским слоям, в Триесте их было на 6000 человек больше, чем в Любляне с окрестностями¹⁵. Старания Австро-Венгрии добиться поддержки Италии или хотя бы ее нейтралитета в войне, готовность пойти ради этого на уступку Приморья беспокоили словенских патриотов. Еще хуже была для них вероятность (вскоре ставшая реальностью) того, что страны Антанты привлекут Италию на свою сторону, пообещав ей в случае победы еще большую часть австро-венгерских территорий, населенных словенцами и хорватами (по оценке хорватского историка Д. Шепича, опасность оказаться под ее властью угрожала почти трети словенского населения¹⁶). По справедливому замечанию словенского исследователя Й. Пирьевца,

¹⁴ Записка генерал-майора Ярослава Вячеславовича Червинка (Киев), написана в Петрограде 15 января 1915 г. // АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 214. Л. 6 об–7.

¹⁵ *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918.* Ljubljana, 1973. S. 238, 244.

¹⁶ *Šepić D. Slovenci i jadransko pitanje u prvom svjetskom ratu // Zgodovinski časopis.* Ljubljana, 1969. Št. 3–4. S. 262.

триестские словенцы колебались между лояльностью к Сербии и России и страхом перед Италией. К этим чувствам примешивалось и враждебное отношение некоторых из них к Австро-Венгрии. Например, словенский социал-демократ Йосип Ферфолья считал, что пусть лучше итальянцы вступят в войну и даже оккупируют Триест, лишь бы монархия Габсбургов потерпела поражение¹⁷.

Некоторые будущие члены Югославянского комитета (официально оформившегося в Париже в мае 1915 г.), собравшиеся в начале войны в Италии, энергично выступили против итальянских притязаний на Приморье. Они рассчитывали на победу стран Антанты и распад Австро-Венгерской монархии, что создало бы возможности для объединения сербов, хорватов и словенцев в единое югославянское государство. Одной из их важнейших задач было привлечь державы Антанты к проблеме будущей судьбы Триеста и заручиться их поддержкой. В предвоенный период члены либеральной Хорватско-сербской коалиции, тогда преобладавшей на хорватской политической сцене, не проявляли интереса к сотрудничеству со словенцами и к объединению с ними, и, ведя переговоры с итальянскими ирредентистами о разделении границ, соглашались на передачу Триеста и Горичи Италии, игнорируя интересы словенцев. Когда грянула война, под угрозой итальянской оккупации их позиция изменилась. Теперь они утверждали, что словенский народ не должен платить за объединение с другими югославянами частичной потерей своих территорий, поскольку это представило бы угрозу его существованию, что нарушило бы равновесие между сербами и хорватами в будущем общем государстве. Один из лидеров ХСК далматинский политик Ф. Сущило в начале ноября 1914 г. вручил российскому послу во Франции Извольскому и министру иностранных дел Франции Теофилю Делькассе меморандум с требованием включить в состав будущей Югославии Горичу, Градишку, Триест и Истрию. Признавая, что в Триесте итальянцы составляют большинство населения, он указал, что город экономически зависит от сло-

¹⁷ Pirjevec J. «Trst je naš!»: Boj Slovencev za morje (1848–1954). Ljubljana, 2007. S. 69.

венской округи, и предложил компромисс — Триест должен стать свободным портом по примеру городов Ганзейского союза¹⁸.

В защиту включения Триеста в состав будущей Югославии выступили и многие словенские патриоты. В августе 1914 г. словенский этнограф Н. Жупанич послал сербскому премьер-министру Н. Пашичу, а также представителю русского посольства и всем крупным сербским политикам меморандум, в котором подчеркнул стратегическое значение словенских земель для будущего югославского государства и необходимость включения в него Триеста, Горицы, Градишки, Истрии и Венецианской Словении. По его образному выражению, без Триеста Югославия была бы «разбитой чашей»¹⁹. Стремясь показать странам Антанты «силу югославянства в Триесте», либерал Б. Вошняк написал в Швейцарии на французском языке брошюру «Триестский вопрос» и издал ее под псевдонимом «Иллирикус». Социал-демократ Д. Густинчич издал в 1915 г. в Нише брошюру «Триест и другие итальянские претензии на нашем крайнем западе», в которой выразил решительный протест против договора Антанты с Италией²⁰.

В поддержку словенских притязаний на Триест энергично выступил и словенский социал-демократ Ф.Л. Тума, с весны 1914 г. работавший в Петербурге как представитель датской фирмы «Саламандра». Благодаря тесному контакту с хорватским эмигрантом К.Ю. Геруцем, имевшим связи со многими российскими политиками, в том числе и с сотрудниками Министерства иностранных дел, Тума получил возможность напрямую обратиться к властям. Уже в августе 1914 г. он послал С.Д. Сазонову свою «Записку о Триесте». В сопроводительном письме к ней Тума отметил, что, будучи словенцем, считает себя обязанным «в этот важный момент разъяснить вопросы возможной в будущем принадлежности Триеста с точки зрения интересов славянства вообще и словенцев в частности».

¹⁸ *Pirjevec J.* «Trst je naš!»: Voj Slovencev za morje (1848–1954). Ljubljana, 2007. S. 65.

¹⁹ *Vošnjak B.* U borbi za ujedinjenu narodnu državu. Beograd; Zagreb; Ljubljana, 1928. S. 9.

²⁰ *Pirjevec J.* Op. cit. S. 67; *Густинчић Д.* Трст и остали италијански захтеви на нашем крајнем западу. Ниш, 1915.

Он подчеркнул: «Вопрос о владении этой территорией является для словенцев вопросом жизненным, так как место это является единственной годной, открытой для словенцев гаванью на Адриатическом море и представляет собой “коридор к морю”, без которого они оказываются в положении птицы, запертой в клетке»²¹.

Тума старался убедить российское правительство, что итальянское население города якобы не является коренным, это колонисты, приехавшие туда в поисках заработка. Сельское же население — славянское по происхождению. Поскольку итальянцы «превосходили словенцев знаниями и опытом», то словенцы, вынужденные выполнять все тяжелые работы, «вместе с экономической независимостью утратили и национальную самостоятельность»²².

Тума кратко описал историю развития словенского национального движения в Триесте, перечислил культурные и экономические достижения словенцев. Он с гордостью отметил, что накануне войны словенцы в Триесте имели уже более 200 союзов, собственный театр и три ежедневных газеты. Характеризуя экономическое развитие словенцев, Тума сравнил его с развитием сербов и болгар до и после освобождения от владычества турок. Народ, находящийся под чужеземным гнетом, по его мнению, «только тогда может развиваться экономически, когда он добьется политической самостоятельности. Если же словенцам удалось, несмотря на иноземное владычество, подняться экономически настолько, чтобы служить образцом для других южнославянских народов, [...] то можно ожидать от них тем больших успехов, когда у них будет собственное правительство»²³.

Италия, после объединения, сразу начала «распространять свои вождедения» на этот важный порт. Итальянские ирредентисты, подчеркнул словенский политик, считали словенцев «опаснейшим врагом» и вели ожесточенную борьбу против них,

²¹ Тума Ф.Ф. — Сазонову С.Д. 11/24 августа 1914 // АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 282. Л. 41–42.

²² АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 282. Л. 21–22.

²³ Там же. Л. 29.

не разрешили открыть ни одной словенской школы, запретили делать надписи на словенском языке «даже на надгробных памятниках на городском кладбище». Политика итальянцев встречала у словенцев все большее сопротивление.

Перепись 1910 г., по мнению Тумы, явилась наглядным свидетельством стремления итальянцев «свести существование словенцев к нулю». Согласно официальным данным этой переписи, югославы в Триесте составляли лишь около 1/3 населения города (59 319 тыс. человек), 2/3 были итальянцами (118 959 человек). Тума утверждал, что в Триесте живет около 75 000 славян. Примерно такую же цифру (70–80 тыс.) привел и Д. Густинчич²⁴. Но Тума в примерных расчетах пошел еще дальше. Он полагал, что около 40 % австрийско-итальянского населения «происходят непосредственно от словенских родителей, владеют в совершенстве своим родным языком и отделились от своего народа только под влиянием итальянских школ или из эгоистических соображений в видах своего общественного положения и для карьеры». Если бы Триест остался «за автономным словенским государством», то они, убежден Тума, «с такою же легкостью объявили бы себя словенцами, с какою они теперь выдают себя за итальянцев». И тогда славянское население этого города составило бы уже 110 000 чел., то есть половину его населения²⁵.

По мнению Тумы, триестские словенцы выгодно отличаются от итальянцев: они «честнее, вернее, чище, трудолюбивее, здоровее, сильнее», чем итальянцы, и больше любят порядок. Тума признает лишь одно преимущество итальянцев перед словенцами. Если словенцы — «новая, недавно проявившаяся национальность, которая только теперь начинает развиваться и формироваться», то итальянцы — «народ старый, проникнутый насквозь всей утонченностью, свойственной старой культуре». Описывая достоинства словенцев, Тума не преминул подчеркнуть и их преимущества по сравнению с другими южными славянами, заключающиеся в том, «что широкие массы словенцев стоят на гораздо более высоком уровне культуры и цивили-

²⁴ Густинчич Д. *Op. cit.* С. 11.

²⁵ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 282. Л. 28–29.

лизации, чем их кровные братья на востоке, и образ жизни [...] словенцев уже теперь имеет вполне европейский характер»²⁶. Из всего вышесказанного Тума сделал однозначный вывод: «Потребность словенцев иметь доступ к морю из экономических соображений, вполне доказанная способность их к конкуренции с итальянцами и тот важный факт, что Триест со всех сторон окружен компактной массой словенского населения» — все это говорит в пользу притязаний словенцев на Триест²⁷.

Обосновав справедливость притязаний словенцев на Триест, Тума выдвинул ряд доводов в доказательство того, что их поддержка выгодна для России и других стран Антанты. «Италия и итальянцы не потерпят урона от признания Триеста за словенцами, так как они владеют значительной береговой полосой на Адриатическом море, но оно сильно заденет виды и распространение немецкого господства на Средиземном море, на страже интересов которого стоит Австрия». Если Триест окажется в руках словенцев, они, получив политическую свободу, «положат предел немецкому натиску». То есть, поддержав требования словенцев, страны Антанты не нанесут существенно урона возможной союзнице Италии, и вместе с тем сильно подорвут позиции врага — Австро-Венгрии. Но не только это. Тума полагал, что, в случае присоединения Триеста к Италии, во-первых, его значение как торгового морского порта и благосостояние понизятся из-за конкуренции других итальянских городов (что и произошло впоследствии. — *Л. К.*), а во-вторых, итальянские торговля и промышленность будут доминировать. «Триест в руках словенцев будет для русских, англичан и французов открытым портом».

Таким образом, поддержав словенские требования, страны Антанты получили бы, с точки зрения Тумы, неоспоримые выгоды. Если же этого не произойдет, то «для словенцев нынешнее политическое положение выгоднее и желательнее, нежели принадлежность этого города Италии, так как австрийское правительство, несмотря на все то, что оно делает против этого

²⁶ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 282. Л. 33–34.

²⁷ Там же. Л. 35.

народа, не запрещает ему, однако, вести торговлю и укреплять свое существование в Триесте»²⁸. Иными словами, словенцы предпочтут остаться в составе монархии Габсбургов.

Очерк Тумы о Триесте имел, прежде всего, пропагандистский характер, изложенные им факты по истории словенцев и Триеста далеко не всегда точны и объективны, наглядные примеры этому — его интерпретация результатов переписи населения и навязчивое стремление подчеркнуть неоспоримые преимущества словенцев по сравнению как с итальянцами, так и с другими югославянами. Поставленной цели — убедить российское правительство отвергнуть притязания Италии на Триест — Тума не достиг, все его усилия повлиять на политику российского правительства относительно будущей принадлежности Триеста были тщетны.

Пытались донести свои чаяния до российского правительства и словенцы в Приморье. Так, 9 октября 1914 г. редактор либеральной триестской газеты «Jugoslavija» («Югославия») (к тому времени уже закрытой) А. Мюних и сотрудник этой газеты католический священник Л. Ленард составили меморандум о словенском вопросе. А. Мюних отвез его российскому генеральному консулу в Венеции для дальнейшей передачи сербскому правительству. Текст меморандума, его перевод и секретное донесение консула российскому послу в Италии А.Н. Крупенскому сохранились в АВПРИ. Подчеркнув огромное значение словенских земель «для всей центральной Европы», поскольку они являются для нее «дорогой к морю и воротами в Балканы», авторы меморандума предложили соединить их «в одно целое и дать им достаточно широкую внутреннюю автономию». По мнению Мюниха и Ленарда, «все мыслящие словены, без различия партий, убеждены, что словены, хорваты и сербы есть единая народность и что они должны когда-нибудь соединиться в одно политическое и культурное целое [...] Если же теперь политическое положение не допускает такого соединения — то словены желали бы быть под покровительством Держав (Тройственного Соглашения), а, когда наступит момент, слиться

²⁸ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 282. Л. 36–39.

с другими южными славянами»²⁹. «Что же касается до возможной оккупации адриатического побережья итальянцами, — отметил российский консул в Венеции в донесении, — то эта оккупация представляется словенцам, как конечная гибель». У консула сложилось впечатление, «что само выступление словенских деятелей вызвано страхом перед предполагаемой ими оккупацией Италией адриатического побережья»³⁰.

Известен и факт непосредственного вмешательства русского правительства в принятие словенскими и хорватскими политиками важных политических решений. В апреле 1915 г. словенские и хорватские либералы провели два собрания в Триесте, достаточно подробная информация о которых имеется в донесении В.П. Сватковского, русского журналиста, осведомителя МИД, корреспондента Петроградского телеграфного агентства «Новый курс южного славянства Австро-Венгрии?»³¹. Сведения о собраниях Сватковский получил из первых рук, от участника съезда Й. Мандича, являвшегося тайным осведомителем российского МИД. Все участники первого собрания высказались за отделение от Австро-Венгрии и присоединение к Сербии, причем в их постановлении было указано, что «хорваты и словенцы видят своих защитников в России и Сербии и подчиняются последней». И — самое важное: «Все ораторы заявили, что словенцы и хорваты не могут допустить перехода части их территории и населения под власть Италии, что означало бы [...] национальную гибель славян, которые попали бы под итальянскую власть, гораздо более опасную, чем австро-венгерская». Это собрание приняло постановление, которое очень не понравилось российскому правительству: «Издать и распространить при помощи городских управлений в момент вступления итальянских войск на славянскую территорию воззвание к населению, заявляющее, что южные славяне [...] никогда не согласятся попасть под власть Италии. “Провоз-

²⁹ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 208. Л. 2–5 об.

³⁰ Там же. Оп. 474. Д. 281. Л. 20–22.

³¹ *Сватковский В.П.* Новый курс южного славянства Австро-Венгрии? Берн, 1915.18.06/01.07 // АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 432. Л. 5–8.

глашаем, что считаем себя самостоятельными, провозглашаем объединение трех югославянских народов»).

Мандич немедленно доставил сообщение об этом собрании Сватковскому в Рим. Согласно директивам, полученным от МИДа, Сватковский поручил Мандичу «поспешить с возвращением в Триест и передать знакомым Сватковскому участникам съезда его опасения, что призыв к сопротивлению силой Италии порвет контакт части южного славянства с Тройственным соглашением и Россией, произведет раскол в славянстве и вообще будет вполне отвечать лишь интересам и планам Австрии».

Мандич исполнил это поручение, и 18 апреля состоялось второе собрание в Триесте. На нем было постановлено, что об уступках Италии не может быть речи, что словенские и хорватские земли представляют единое целое, частью которого является Триест. Лишить их «естественной гавани — значит задушить их». «Представители хорватско-словенского народа ожидают, что исконная защитница славян великая Россия всею своею мощью предотвратит грозящую им катастрофу». Принимая во внимание резкую реакцию России на постановления, принятые на первом собрании, текст воззвания был пересмотрен. Решено было предложить населению «отнестись к вступлению итальянцев спокойно, в надежде, что справедливая Европа не заставит южных славян прибегнуть позднее к оружию за освобождение от чужеземного ига». Сообщая о реакции южных славян на объявление войны Италией и на уступки, сделанные ей странами Антанты, Сватковский отметил: «Словенцы, более уравновешенные, чем хорваты, отнеслись к событиям, насколько можно судить по отрывочным пока данным, сдержанно». Независимых политических акций словенские либералы действительно более не предпринимали.

Следует признать справедливым вывод словенского историка Я. Плетерского, что «замысел о самостоятельном выступлении словенцев и хорватов против итальянского вооруженного нападения распался из-за прямого вмешательства российской царской дипломатии»³². Для приморских словенцев, традицион-

³² *Pleterski J. Prva odločitev slovencev za Jugoslavijo. Politika na domačih tleh med vojno 1914–1918. Ljubljana, 1971. S. 45.*

но настроенных русофильски, поддержка Россией их национальных требований была делом первостепенной важности, и, получив резкую отповедь со стороны российского представителя, они отказались от дальнейшего сопротивления.

Разочарование в политике России и ее союзников испытали и члены Югославянского комитета. На Ф. Супило, в феврале 1915 г. посетившего Петроград по поручению Югославянского комитета, гнетущее впечатление произвел разговор с Сазоновым, который в общих чертах проинформировал его о готовящемся заключении договора с Италией. Сазонов заявил, что не верит в объединение католических хорватов и словенцев с православными сербами и что Россия его не поддержит. В беседе с двумя сербскими политиками, которых Пашич послал в Петроград с особой миссией, Сазонов высказал свое отношение к словенским проблемам еще резче: «Если бы Россия должна была воевать из-за Крайны хотя бы на полдня дольше, чем это необходимо, она отказалась бы от ее освобождения»³³. Записывая в дневнике свои впечатления от встречи с Супило после его возвращения из Петрограда, Вошняк выразил полное согласие с оценкой ситуации, которую дал далматинский политик: «Сазонов и официальная Россия вели себя просто бесстыдно при заключении договора». Они препятствовали попыткам Супило «расположить к нашему делу русское общество». «У официальной России перед глазами только православие, она желает объединения балканских церквей в цареградском патриархате. Она не желает объединения южных славян, не верит, что хорваты могут и хотят объединиться с сербами»³⁴.

Ряд попыток «достучаться» до русских — убедить российское правительство поддержать идею создания независимого югославянского государства, а также словенские притязания на Триест — были предприняты членом Югославянского комитета словенским либералом Б. Вошняком. 14 апреля 1915 г. он посетил в Женеве Сватковского, и у них состоялся весьма доверительный разговор о будущем объединении югославян. Сватковский высказался за заключение персональной унии между

³³ *Vošnjak B.* U borbi za ujedinjenu narodnu državu. S. 51–55; *Šepić D.* Op. cit. S. 264.

³⁴ *Vošnjak B.* Dnevnik iz prve svetovne vojne. Ljubljana, 1994. S. 60.

чехами и югославянами, во главе которой встал бы сербский престолонаследник Александр. Решение вопроса о будущей государственной принадлежности Триеста он ставил в зависимость от того, насколько нужна Антанте поддержка Италии. Югославянские патриоты ушли от русского журналиста с неприятным ощущением, что их «продадут».

Это ощущение только усилилось после беседы с российским послом в Париже А.П. Извольским, имевшей место 26 мая 1915 г. Извольский произвел на Вошняка впечатление «дипломата старой школы, для которого православие превыше всего». Члены Югославянского комитета покинули российское посольство с убеждением, что о малых славянских народах Австро-Венгрии Извольский мало что знал и судьбой их не интересовался³⁵.

Но не только русское правительство не учитывало словенские интересы в Приморье. В Париже и Лондоне о словенцах и их требованиях тоже почти ничего не знали. Ими были готовы пожертвовать и многие сербские и хорватские политики. Сербский премьер-министр Н. Пашич в начале войны еще плохо представлял себе словенскую этническую территорию и склонялся к установлению такой границы, которая бы устроила итальянцев³⁶. В секретном донесении С.Д. Сазонову из посольства в Риме от 15 декабря 1914 г. сообщалось о меморандуме, поданном туда далматинским сербом Л. Войновичем, в котором выдвигался план создания сербо-хорватского государства. «Словенцы не включаются в проектируемое сербское государство», что связано со сложностью вопроса о выяснении прав на обладание Триестом, в частности с тем, удовлетворят ли страны Антанты «притязания Италии на обладание этим городом». «Рядом с этим приходится считаться с совершенно определенными домогательствами словенцев, включающих Триест с Истрией в состав будущей объединенной Словенской области [...]. Дорожа главным образом сплочением всех своих земель в одно политическое целое, словенцы менее озабочены мыслью о том, в состав какого государства им будет предназначено войти по окончании войны». Таким был один из выводов

³⁵ *Vošnjak B.* Dnevnik iz prve svetovne vojne. Ljubljana, 1994. S. 44, 48–49.

³⁶ *Pirjevec J.* Op. cit. S. 65, 75.

меморандума. В донесении также отмечалось, что «в некоторых сербских кругах допускают, ради осуществления великого дела объединения всех сербов и хорватов, возможность сделки с Италией на почве уступки ей Триеста с частью Истрии, если бы она, вопреки ожиданиям и надеждам, вступила в войну против Австро-Венгрии»³⁷.

В апреле 1915 г. был заключен Лондонский договор, согласно которому предусматривалась передача Италии, в случае, если она вступит в войну на стороне Антанты, Триеста, Горицы, Истрии и большей части Далмации. 23 мая 1915 г. Италия объявила войну Австро-Венгрии. Военные действия переместились на словенскую территорию. Итальянцы заняли западную часть Горицы и Посочье. Около 80 тыс. человек были эвакуированы с захваченных территорий в Крайну, Штирию, в австрийские лагеря беженцев. В августе 1916 г. итальянцы захватили всю Горицу, что словенцы восприняли как национальную трагедию. Еще в августе 1915 г. большая часть 3-го корпуса австрийской армии была переброшена на Сочинский фронт, ставший главной ареной боев с итальянской армией. В этих боях, длившихся почти два с половиной года, до октября 1917 г., погибли около 200 тыс. человек.

Уже через несколько дней после вступления Италии в войну российский дипломат Б. Я. Нишовский послал из Рима донесение в МИД об обстановке в Триесте. Он передал сведения, полученные им от итальянского генерального консула в Триесте г-на Лебрехта во время их встречи в Риме, «о подробностях из жизни в Триесте и о перемене, происшедшей в политическом направлении триестских славян».

Он констатировал, что положение жителей очень тяжелое, голод усилился. В последнее время правительство «совершенно не заботилось о материальном положении неимущих, что вызвало волнение в народе, — проявившееся особенно сильно в апреле и начале мая с.г. после нескольких случаев голодной смерти». Если в начале войны отношение австрийского прави-

---

³⁷ Секретное донесение С.Д. Сазонову из Рима (подпись неразборчива, от 1914.15.12.) // АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 281. Л. 59–61.

тельства к итальянскому населению Триеста «было очень мягко и отзывчиво», то в конце 1914 г. оно «стало меняться к худшему». Итальянцы теперь «жестоко наказывались даже за проступки, имевшие малейший политический оттенок». По мнению Нишовского, вскоре следовало ожидать замены гражданского управления военным и «весьма сильных народных волнений».

Со славянами сложилась противоположная ситуация. В самом начале войны триестские славяне «очень неохотно приняли сведения о начале войны Австрии с Россией. Неприязненное отношение их к Австрии проявлялось часто и открыто». За три дня до объявления войны славянские полки, проходя мимо российского консульства, сняли фуражки и кричали: «Живио». Полицейские агенты-словенцы, прикомандированные триестским наместником принцем Гогенлоэ к Нишовскому, оказывали ему «услуги самого доверительного свойства с риском для себя». Со временем, однако, «отношение австрийского правительства к славянам стало изменяться: им начали разрешать митинги, многие из арестованных были выпущены на свободу, преследования ими итальянцев оставались безнаказанными, единственным славянам удавалось получать от правительства пособия». Соответственно, и отношение славян к правительству стало меняться. «Число приверженцев увеличивалось и теперь они составляют довольно большую партию, [...] которая своей деятельностью старается подчеркнуть свое расположение к Габсбургскому дому»³⁸. Нишовский довольно тонко очертил новые тенденции в политических настроениях национально мотивированных словенцев. Сочтя себя преданными Россией и другими государствами Антанты, они поневоле вновь обратили взоры к Австро-Венгрии, предпочитая по-прежнему оставаться в ее составе, нежели подвергнуться итальянской оккупации.

Уже с 1915 г. Россию упрекали в том, что, подписав Лондонский договор, она предала хорватов и словенцев. Российский исследователь В.А. Емец справедливо полагает, что Лондонский договор «нанес серьезный ущерб политическому положе-

³⁸ Б.Я. Нишовский — Михаилу Николаевичу. Рим, 1915.23.5./5.6. // АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 281. Л. 144–145 об.

нию и влиянию царской России на Балканах», с ним согласен и историк С.А. Романенко, который отмечает, что политика России в южнославянском вопросе «не была последовательной и дальновидной»³⁹.

В июле 1916 г. С.Б. Сазонова сменил на посту министра иностранных дел Б.В. Штюмер, а в конце ноября эту должность занял Н.Н. Покровский. Осенью 1916 г., после ряда военных поражений, российское правительство стало уделять более пристальное внимание проблемам австрийских славян, в том числе и словенцев, рассчитывая ослабить Австро-Венгерскую империю путем развития революционного движения среди ее народов. С этой целью в Министерстве иностранных дел был создан департамент по особым политическим делам, возглавил который бывший российский генеральный консул в Будапеште М.Г. Приклонский, курировавший Австро-Венгрию. «Лишь тогда, — вспоминал Ф.Л. Тума, — русское правительство начало изучать и югославянский вопрос»⁴⁰.

А вскоре настало время стремительных перемен. Февральская, затем Октябрьская революции в России, распад Австро-Венгрии, окончание Первой мировой войны. При определении новых государственных границ словенцев постигло горькое разочарование — произошло расчленение их этнической территории между четырьмя государствами. Одной из самых тяжелых потерь оказалась для них потеря Приморья и Триеста. Согласно Рапсальскому мирному договору 1920 г., заключенному между Королевством Италия и Королевством СХС, к Италии отошли почти все западные территории Словении — треть словенских земель, на которых проживали 323 313 словенцев⁴¹.

---

³⁹ *Емец В.А.* Очерки внешней политики России. М., 1977. С. 224–225; *Романенко С.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 140.

⁴⁰ *Edinost.* 1919. 07. 08. № 213.

⁴¹ *Перовишек Ю.* Развитие национально-освободительных идей и концепций словенцев в 1848–1941 гг. // *Словения. Путь к самостоятельности. Документы.* М., 2001. С. 19.